

ЛЕВ
ОВАЛОВ

**МАЙОР ПРОНИН
И БУКЕТ АЛЫХ РОЗ**

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Майор Пронин

Лев Овалов

Майор Пронин и букет алых роз

1957

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Овалов Л. С.

Майор Пронин и букет алых роз / Л. С. Овалов —
1957 — (Майор Пронин)

ISBN 978-5-00222-208-7

Майор Пронин – советский Шерлок Холмс и Джеймс Бонд в одном лице. Непобедимый чекист, который пришел в «контору» во времена Феликса Дзержинского, а в 1957 году носил погоны генерала и заслуженно считался лучшим контрразведчиком мира. На этот раз классик советской приключенческой литературы Лев Овалов рассказал о головокружительном приключении великого контрразведчика, который распутал паутину, которую приготовили для КГБ лучшие асы американской разведки. Эта книга погружает нас в атмосферу расцвета советского социализма. В том время у нас был лучший в мире балет, коньяк, лучшие в мире ракеты и контрразведчики.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00222-208-7

© Овалов Л. С., 1957

Содержание

Рок-н-ролл для майора Пронина	6
От автора	14
1. Отверстия в стекле	15
2. Ночь в пустыне	19
3. Прыжок на родину	23
4. Комната № 427	28
5. Ночные посетители	31
6. Учительница танцев	38
7. Дядя Витя заболел	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Овалов Л.С.
Майор Пронин и букет алых роз

© Овалов Л.С., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Рок-н-ролл для майора Пронина

Этот танец считался вражеским. Само слово с двумя черточками рок-н-ролл – попахивало шпионскими страстями. И добропорядочная московская балерина исполнила его только по настойчивой просьбе офицера КГБ – по оперативной необходимости. Рок-н-ролл казался несовместимым с советским образом жизни. Да и вправду заокеанская массовая культура, олицетворением которой был сей энергичный танец, не совпадала с коренными постулатами идеологии СССР. Другое дело – твист, его, спустя несколько лет, удалось адаптировать для нашей оптимистичной молодежи. С начала шестидесятых годов итальянские и советские твисты громко зазвучали от Калининграда до Сахалина, да так и до сих пор звучат – «Черный кот», «Королева красоты», «Шагает солнце по бульварам». Впрочем, про бульвары – это уже шейк, что для майора Пронина было приравнено к твисту. Рок-н-ролл оставался запретным плодом и в шестидесятые, это слово в благожелательном контексте было принято заменять эвфемизмом, а уж в 1957-м... В моде были пластинки Владимира Трошина и Рашида Бейбутова, записи Лолиты Торрес, голосистых итальянцев, горячих латиноамериканцев, которые даже сквозь треск патефона голосами напоминали нашенских грузин... Даже авторы «Крокодила» еще не вполне владели информацией об Элвисе Пресли. А в штатах молодой белый певец тюремного рока уже был сказочно знаменит.

Анна Леон. Портрет Льва Овалова

Холодная война, противостояние сверхдержав, ядерная зима – тревожные мотивы будоражили умы. Они как нельзя лучше подходили к массовой культуре: о холодной войне слались песни, сочинялись романы, снимались киноленты. Шпионаж вторгся в засекреченный мир новейших технологий. Лев Овалов писатель-коммунист, прошедший классовые бои Гражданской, ГУЛАГ и ссылку, обладал необходимым политическим темпераментом, чтобы

писать о холодной войне. Писателю нужно было перевести свои гражданственные впечатления на язык занимательной литературы в стиле библиотечки военных приключений. Такая задача была по плечу Льву Овалову: «Букет алых роз» он написал за несколько недель, сразу после вдохновенной работы над романом «Медная пуговица».

Лев Овалов считал необходимым наполнять свои приключенческие повести приметами времени, ультрасовременными знаками. В пятидесятые годы в обеих столицах появились стилиаги – молодые носители зарубежной моды. Поколению фронтовиков было странно смотреть на вполне благополучных молодых людей, которые неистово бунтуют, отстаивая нестандартную ширину брюк и расцветку галстуков... С одной стороны – кто в молодости не резвился, не объяснялся на собственном поколенческом жаргоне, кого не привлекали призраки сексуальной свободы, как бы последняя не именовалась, дачным отдыхом или рок-н-роллом... В 1957 году, когда повесть была напечатана в журнале «Юность», рок-н-ролл был для Советского Союза настоящей экзотикой! Честно говоря, в те времена и на Западе, кроме падких на все новое юнцов, мало кто всерьез признавал эту музыку. Незамысловатые песенки про любовь, сопровождаемые откровенными движениями бедер, считались бунтарством. Правда, на звездах рока уже научились делать деньги. Чудовищные гримасы западной индустрии развлечений разоблачались советской прессой с неизменным сарказмом. Натяжки холодной войны дополняла резонная критика с позиций здравого смысла и хорошего тона. Майор Пронин всегда был пуританином.

«Букет алых роз» – одно из трех послевоенных произведений приключенческого цикла Льва Овалова. Редактор нового, но уже остро популярного журнала «Юность» Валентин Катаев сомневался: вроде, шпионский детектив, жанр не самый респектабельный. И все-таки тиражные резоны взяли верх: журнал стремился понравиться миллионам подписчиков. Да и молодежная тема в повести присутствовала – да еще как! Сам Василий Аксенов в те годы не писал о стилиагах с такой откровенностью. Разумеется, здесь необходима существенная оговорка: у Овалова все эти кафешки и танцы вызывают язвительную усмешку. А молодежь, захваченная в плен тлетворной модой, конечно, небезнадежна, но и не героична. Настоящие герои – немного приторный молодой чекист Евдокимов, молодая балерина Петрова – чураются веяний западной моды, хотя и могут для дела притвориться ее адептами... Для стилиажной молодежи забота о внешнем виде, а если угодно – о собственной индивидуальности, важнее коллективизма. В глубине души они способны на подвиг: традиции отцов в них живы, но чудачки сами старательно избегают подвигов, обкрадывают себя. Лев Овалов, с четырнадцати лет брошенный в омуты классовой борьбы, писатель, сохранивший равнодушие к мешчанским радостям, имел право на собственное нелицеприятное мнение о «золотой молодежи». В первые же месяцы после возвращения в Москву он присматривался к новой молодежной культуре – и во время работы над «Букетом» уже ориентировался (разумеется, по-туристически) в ее координатах.

Лев Овалов был верен конандойловской традиции: детектив должен приходиться к читателю в популярном иллюстрированном журнале. Набиравшая ход «Юность» была удобной взлетной площадкой для фаворита всех советских граждан, записанных в публичные библиотеки, где Овалов был нарасхват. Через год после журнальной публикации в свет вышла книга – недорогое издание в яркой обложке, каким и должен быть шпионский детектив. Свиное лицо в бобровой шапке пирожком, изображенное темными тонами на сиреневом фоне, наверное, принадлежит убийце Жадову – одному из самых опасных героев повести. Оформлял книгу постоянный партнер Льва Овалова – художник Петр Караченцов. Букет роз, как следует из названия повести, оказался алым – алое пятно бросается в глаза, такая книга не затеряется на прилавках. По изданию «Букета алых роз» можно судить об индустрии шпионского детектива в СССР. Впрочем, книги Овалова в рекламе не нуждались: тираж считали за несколько недель. Советский книжный рынок много лет не мог насытиться изданиями Овалова. Если бы

тогдашние издатели ориентировались на коммерческий успех и новых наименований, и дополнительных тиражей было бы гораздо больше.

Именно в 1957 году москвичи впервые услышали рок-н-ролл – на одном из концертов, организованных американскими гостями во время Московского фестиваля молодежи. Фестиваль стал одним из самых запоминающихся событий хрущевской эпохи, а для советской молодежной культуры он надолго стал определяющим явлением. В страну пришли новые песни, новые фасоны одежды, иная стилистика существования. После фестиваля московские стилисты стали куда более осведомленными в вопросах мировой моды. Стильная одежда уже была уделом не только узкой прослойки молодых «мажоров». Несмотря на убийственные фельетоны в стиле знаменитых «Плесени» или «На папиной «Победе»», несмотря на крокодильские карикатуры и агрессию дружинников, быть «стилистой», «фирменником» было модно. ореол запретности придавал им особый шарм. Из стилистической среды вышло немало способных людей разных профессий. Один из самых известных – саксофонист Алексей Козлов, оставил любопытные воспоминания о своей боевой молодости: Ношению заграничной одежды придавалась еще и политическая окраска, ведь в последние сталинские, да и в первые годы после смерти вождя все заграничное было объявлено чуждым и подпадало под борьбу сначала с космополитизмом, а после – с низкопоклонством перед Западом. Настоящие «фирменные» вещи было неоткуда взять, кроме как в комиссионных магазинах, куда они сдавались иностранцами, в основном работниками посольств (ни туристов, ни бизнесменов в страну тогда не пускали), или у самих иностранцев, если удавалось познакомиться с ними где-то на улице, рискуя быть «взятым» на месте. Ясно, что эта среда была питательной для авторов шпионских повестей. Ведь безобидный гость из Лондона или Бостона запросто может оказаться агентом могущественной разведки – а у юных любителей фирменного тряпья уже увяз коготок... Связь с иностранцами налицо, а последствия легко предсказать. И Лев Овалов в том же 1957 году пишет шпионскую повесть, насыщая ее подробностями из жизни «фирменников», связавшихся с иностранцами.

Так, в повести упоминается улица Горького – любимое место молодежных гуляний. Овалов не пишет, что на молодежном сленге тех лет самая респектабельная часть этой улицы называлась не иначе как Бродвеем (точно так же ленинградские стилисты называли Бродвеем излюбленный отрезок Невского проспекта).

Культовое место тогдашней молодежи – манящий Коктейль-холл, самое модернистское заведение Москвы. Он открылся в сердцевине Бродвея, напротив Центрального телеграфа – величественное здание телеграфа всегда отличалось самой прихотливой иллюминацией в дни ноябрьских, декабрьских, январских и майских праздников. О Коктейль-холле (его называли попросту «Кок») Алексей Козлов вспоминает с особой приязнью: Когда коктейль был готов, начиналось особое удовольствие по его выпиванию, а скорее – высасыванию по отдельности разных слоев через соломинку. Нужно было только подвести «на глаз» нижний кончик соломинки к выбранному слою и, зафиксировав положение, потянуть содержимое слоя в себя. Так чередовался приятный сладкий вкус вишневой или облепиховой наливки с резким ароматом «Абрикотина» или «Кристалла». Даже через сорок лет музыкант чувствует во рту вкус тех напитков! Старшие товарищи – носители консервативной морали, – как водится, считали это место растленным. Как никак «Коктейль-холл» работал до пяти утра, а интерьер был выполнен по западным стандартам: винтовая лестница, барная стойка, столики ультрасовременного вида, которые вскоре стали обыденными приметами хрущевского минимализма. Целостная модная эстетика. Именно с «Кока» писал Овалов свое ночное заведение, кишевшее шпионами, чекистами и легкомысленными молодыми людьми. Любопытно, как быстро остромодные явления становились привычным официозом, если их брала на вооружение отечественная промышленность. Сталинский ампи́р сменился функциональным современным стилем Дворца пионеров на Ленинских горах, а легкие, без излишеств, столики телевизионного «Голубого огонька»

напоминали «Коктейль-холл». Узкие брюки тоже стали вполне приличной одеждой. В семидесятые годы модников уже привлекало ретро – антикварная мебель, бабушкины платки, иконы, пышные абажуры, столовое серебро, даже анекдотические накомодные слоники и наконные фикусы... Все, против чего боролись стилиги пятидесятых. Социалистические твисты с их солнечным оптимизмом вызывали кривую усмешку у ценителей арт-рока, которым удавалось записать на бобины новейшие английские и американские записи. Но в то время майор Пронин уже пребывал на пенсии, наслаждался воспоминаниями и с тревогой следил за хоккейными баталиями чехословацких и советских друзей-соперников.

Иван Николаевич Пронин в этой повести – седой ветеран контрразведки, который приезжает на службу первым – «ни свет ни заря» и вскидывает на посетителей «серые, выцветшие от времени глаза» и «чем-то напоминал Евдокимову старого, умного и снисходительного учителя». За год до выхода повести коммунисты всей страны по-новому взглянули на внутреннюю политику тридцатых годов, заговорили о культе личности Сталина, о необоснованных репрессиях. Начались процессы реабилитации. В то же время Советский Союз активно и небезуспешно участвовал в холодной войне – а значит, было кровно необходимо поддерживать высокий авторитет чекистов, авторитет Комитета государственной безопасности. Признание перегибов сталинского времени не должно бросить тень на традиции Дзержинского. Поэтому образ Железного Феликса и стал одним из центральных в сусловской доктрине пропаганды. Образы старых чекистов, хранителей традиций Дзержинского, тоже были святы. Именно таким старейшим сотрудником ЧК был Пронин. Будучи в генеральском чине, он уже не бегал за шпионами, не маскировался под обывателя. Он сидел в кабинете и разрабатывал стратегию следствия, бросая проницательные взгляды на однотонные шторы. В «Букете алых роз» орудием Пронина был смысленный и ловкий капитан Евдокимов. Новые ученики не могли заменить Пронину Виктора Железнова, но на Евдокимова можно было положиться. Ведь с ним он познакомился, расследуя дело, связанное с черной магией, когда на время уходил на партийную работу.

По законам легкого жанра, действие повести должно перемежаться экскурсиями по местным достопримечательностям. Если речь идет об Америке перед читателем должны открыться небоскребы Манхэттена или, на худой конец, холмы Голливуда. Во Франции неплохо бы посетить Мулен Руж, бросить мимоходом пару замечаний об Эйфелевой башне. В России, как известно, пьют горькую и танцуют в балете. В 1957 году русская балерина могла бы появиться и в зарубежном шпионском романе. Лев Овалов, как запасливый корабейник, демонстрирует экспортный товар.

Н.С.Хрущев принял вызов западной цивилизации – он с азартом конкурировал с соперниками, используя достижения советской культуры, науки, спорта. Такая позиция контрастировала с грозной сталинской изоляцией – и наши сограждане быстро привыкли к «международным чемпионатам», на которых требовательно болели за своих... Демонстрируя наши успехи, Хрущев агитировал весь мир за советский образ жизни. Его эскапады были несколько наивны, но самоуверенность властного политика внушала уважение. Современный читатель может получить представление о хрущевской идеологии по книге «Лицом к лицу с Америкой», вышедшей в 1960 году, по горячим следам политических вояжей первого секретаря ЦК КПСС. Авторский коллектив книги – А.Аджубей, Н.Грибачев, Г.Жуков, О.Трояновский и другие – получили за «Лицом к лицу с Америкой» Ленинскую премию. Полистаем эту книгу: Годами американская пропаганда утверждала, что жизнь в Советском Союзе сера, безынтересна, однообразна. Голливуд не смотрел советских фильмов, не читал советских книг, не слушал советской музыки. Голливуд верил лживым басням об искусстве социалистического реализма. И вдруг блестящий, ни с чем не сравнимый успех балета Большого театра, потрясаясь великолепные танцы народов Советского Союза в исполнении ансамбля Игоря Моисеева, потом выступления ансамбля «Березка», выступления Д.Шостаковича и Д.Ойстраха. Победа советских спортсменов на Олимпийских играх, победа наших легкоатлетов на американской

земле и сотни, тысячи других существенных, волнующих фактов, опрокидывали все прежние представления. Хрущев в Америке выступает не только как активный продюсер советской культуры, но и как культуртрегер. Вот советскому лидеру продемонстрировали «низкопробный танец»: Девушки кривлялись, падали на пол, дрыгали ногами. Поднимались подола юбок, щелкали фотокамеры... Хрущев афористично комментирует это провокационное действо: Вы спрашиваете меня о канкане? С моей точки зрения, с точки зрения советских людей, это аморально. Хороших актеров заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенных, развращенных людей. У нас в Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задами. Эту фразу с наслаждением цитировали газеты всего мира. Хлестко сказано, по-пронински! Читаешь эти строки документального хрущевского официоза – и стилистика «Букета алых роз» проясняется.

Как раз в 1956 году прошли первые за многие годы гастролы балетной труппы Большого театра в Великобритании. Страна, которая посылала в СССР самых зловредных и ушлых шпионов, рукоплескала советскому балету. Восторженные рецензии вторили зрителям: полный успех. Гастроли укрепили славу советского балета, превратили его в притчу во языцах. Теперь о Большом театре знали (понаслышке) потребители массовой культуры, равнодушные к балетному искусству. К концу пятидесятых годов весь мир, к радости хрущевской администрации, твердо знал, что русские лучше всех играют в шахматы, танцуют лебедями на деревянных подмостках и запускают спутники. И здесь не было преувеличения, была заслуженная репутация...

Екатерина Максимова

В пятидесятые годы в Москве было немало молодых талантливых балерин, из которых мог бы выйти прототип Марины Петровой. Газеты пестрели заметками о подающих надежды танцовщицах-комсомолках. Балетные школы постоянно воспитывали новых звездочек – на всех не хватало театров, не хватало партий. Героиня повести Овалова – москвичка. Время действия – 1957 год. Сразу напрашивается знакомое имя – Екатерина Максимова. В то время она училась в Московском хореографическом училище, в классе Е.П.Гердт.

Именно в 1957 году состоялся дебют Екатерины Максимовой на сцене Большого театра в партии Маши – одной из центральных в «Щелкунчике». Это был уникальный успех юной танцовщицы. В том же году Екатерина Максимова завоевала первый приз на конкурсе артистов балета в Москве. Уже тогда критики отмечали зрелое мастерство балерины в сочетании с очаровательным ребячливым артистизмом. В шестидесятые годы имя Екатерины Максимовой уже гремело на весь мир. Ее образы открывали панораму цветущей сложности русской культуры. Так бывает только с очень талантливыми людьми, значение которых шире пределов «отдельно взятого» искусства. Не так уж часто вундеркинды оставляют в искусстве заметный след, совершенствуя свое мастерство в течение десятилетий. О Максимова можно уверенно сказать: одна из самых выдающихся танцовщиц XX века. Не ошибались те, кто в 1957 году предсказывал Кате Максимова великое будущее. Повезло и Льву Овалову: он услышал о талантливой московской балерине, возможно, видел ее в Большом или на конкурсе, несомненно, встречал ее имя в газетных отчетах – и придумал свою комсомолку Петрову. Идентификация с Максимовой не подлежит сомнению: в пятидесятые годы в Москве не было такой талантливой юной балерины, да и 1957 год, год действия повести, был переломным в судьбе Екатерины Сергеевны, в то время – просто семнадцатилетней Кати Максимовой...

К балерине капитан Евдокимов приходит, чтобы научиться танцевать пресловутый рок-н-ролл. Автор характеризует артистку скуповатыми определениями: Петрова была молодая, но уже известная балерина, комсомолка, активная общественница и вообще очень хороший советский человек. Героиня получилась картонная, за нее говорила только ее профессия – образцовая московская балерина. Психологически гораздо интереснее другая эпизодическая героиня из репетиционного зала – пианистка Рахиль Осиповна Голант. Петрова говорит: Из нее вышла бы первоклассная концертантка, если бы не ее застенчивость. А Овалов добавляет: Она была в своем роде уникум. Когда обижали лично ее, она сразу терялась и всегда готова была обратиться в бегство, но если неприятности грозили Марине, она превращалась в грозную медведицу. Она, как и Петрова, выказывает свое презрение к кабафоническому заокеанскому танцу – этим роль Голант в повести исчерпывается – и все-таки мы запоминаем колоритную пианистку, ее смущение, ее комплексы. Такие героини оживляют повесть, порой оттеняя схематизм сюжета.

Повесть написана по иным канонам, нежели «Голубой ангел» и «Медная пуговица». В «Букете» куда больше документализма, автор настаивает на политической актуальности своего произведения, намекая то на судьбу летчика Пауэрса, то на другие «сенсации дня». Сказочный дух пронинских рассказов и повестей поменялся на фельетонную саркастическую обстоятельность. Кажется, что Овалов имел в виду именно «Букет», когда утверждал, что готов щелкать свои детективы, как орешки, выпуская по штуке за месяц... Может быть, и сам автор невысоко ставил «Букет алых роз» и именно поэтому в этой повести даже не стал упоминать всуе имени великого контрразведчика, своего любимого героя. Мастерски запутанного сюжета, за который «Медную пуговицу» хвалил Виктор Шкловский, в «Букете» мы не найдем. Установка на изложение реальных событий – пусть и в художественной обработке – была объявлена в авторском предисловии к повести: В 1957 году в московских газетах появились сообщения о высылке из пределов Советского Союза нескольких иностранных дипломатов, занимавшихся деятельностью, несовместимой с их официальным положением. Почти одновременно с этими сообщениями были опубликованы показания нескольких шпионов и диверсантов, засланных в Советский Союз одной иностранной разведкой. Овалов утверждает, что участились факты возвращения в СССР людей, угнанных в войну и завербованных иностранной разведкой. История одного из таких «возвращенцев» показалась мне любопытной и даже поучительной, и я изложил ее в виде повести, изменив только собственные имена. Очень показательное признание. Игра в документализм не была свойственна Льву Овалову – в этом смысле «Букет алых роз» остался единственным исключением. Другие авторы (в основном – из числа более моло-

дых преемников Овалова) постоянно оснащали романистику мнимыми или подлинными документами. С особенным рвением этот прием использовал Юлиан Семенов – любимец читателей семидесятых-восемидесятых годов. Несмотря на журналистский опыт, Овалов неуютно себя чувствовал в мире реальных шпионов, дипломатов и чекистов. Его стихия была связана с писательским артистизмом.

Парадоксально, но сегодня «Букет алых роз» интересен именно в силу своих литературных упущений. В повести действительно немало точных примет эпохи, которые за прошедшие пятьдесят лет из стекляшек превратились в алмазы ретро. Даже тенденциозность автора, его политическая ангажированность (Овалов не скрывал своих коммунистических убеждений, и нам не следует их ретушировать) интересна как точный срез общественного мнения того времени. Ведь ничто так не показывает предпочтения и рефлекс общества, как массовая культура. Другое неоспоримое достоинство повести – юмор. Автору всякий раз удается неожиданной и свежей шуткой, яркой репризой расцветить предсказуемый ход событий, раскрасить черно-белые образы. Вот, например, телефонная беседа законспирированного чекиста со стильной чувихой – диалог и авторский комментарий: «Галиночка? – сказал он. – Здравствуйте. Это Дмитрий Степанович. Откуда? Конечно, из института. Ну, у нас одну работу можно делать десять лет, никто и не спросит. Что вы сегодня делаете вечером? Ах, заняты? С Эджвудом? Жаль. Почему жаль? Потому, что я научился танцевать рок-н-ролл. Очень интересно... Ах вы тоже хотите? А как же Эджвуд? Ну хорошо. Куда? В кафе на улицу Горького? Хорошо. Буду. Нет, обязательно буду. Целую. Немодно? Что немодно? Ах целоваться не модно? Ну, тогда...» – он плоско сострил, Галина засмеялась. Плоские острооты, очевидно, были в моде.

Фельетон? Мы уже назвали это слово. Но все-таки фельетон первоклассный, не зря в двадцатые годы Овалов сотрудничал в «Комсомольской правде». Журналистский нюх на актуальную репризу не покинул писателя и в генеральском возрасте. Достоинства повести – это достоинства фельетона.

Начало «Букета алых роз» интригует. Автору удается увлечь нас своеобразной экзотикой с примесью острого политического детектива. Напряжение холодной войны затрагивает патриотический нерв в каждом из бывших, настоящих или будущих советских людей и вызывает снисходительные улыбки внутренних эмигрантов. Скитания неприкаянного Анохина, его страх перед Жадовым – матерым диверсантом с фашистским прошлым – показаны достоверно и динамично. Мы уже ожидаем необычных приключений в Советском Союзе. Завязка многообещающая: засланный в СССР агент Анохин, русский человек, волей горькой судьбины оказавшийся в иностранной разведке, рассказывает. Он сдается КГБ – и благородные чекисты устраивают парня механиком на завод... Конечно, все это похоже на газетный очерк – скажем, в «Комсомолке» или в «Известиях» времен Аджубея – но, когда шпионы решают убрать Анохина, а КГБ вступает с ними в бой, мы ожидаем настоящей схватки. Такой, как разоблачение Роджерса в рассказах майора Пронина или охота на шпионов в «Голубом ангеле». Однако операции капитана Евдокимова напоминают веселый фарс, а история шпионских манипуляций с «дядей Витей» все-таки недостаточно таинственна... Враг не кажется таким уж изобретательным и непобедимым. Эджвуд может быть опасным для юного стилиста и для карьеры его высокопоставленного отца, но никак не для офицеров КГБ, которыми руководит седовласый генерал Пронин, помнящий самого Дзержинского.

От автора

В начале 1957 года в московских газетах появились сообщения о высылке из пределов Советского Союза нескольких иностранных дипломатов, занимавшихся деятельностью, несовместимой с их официальным положением.

Почти одновременно с этими сообщениями были опубликованы показания нескольких шпионов и диверсантов, засланных в Советский Союз одной иностранной разведкой.

Они подробно изложили факты и обстоятельства своего падения и раскаяния. Одни попали в плен, другие были угнаны оккупантами, третьи, боясь наказания за какое-либо преступление, бежали сами.

Жизнь на Западе мало походила на ту красивую жизнь, какая изображалась во многих зарубежных фильмах. Бездомное и полуголодное существование, постоянное попрание человеческого достоинства вынуждали так называемых «перемещенных лиц» соглашаться на любые предложения. Некоторые из них, дойдя до последней степени морального падения, стали платными агентами иностранной разведки...

История одного из таких «возвращенцев» показалась мне любопытной и даже поучительной, и я изложил ее в виде повести, изменив только собственные имена.

1. Отверстия в стекле

Как он уцелел, Анохин не понимал. Смерть была неизбежна. Еще секунда, мгновение – и от него осталось бы одно воспоминание... Нет, решительно он рожден под счастливой звездой!

Уже возвращаясь домой, в поезде метро, сидя на мягком диване покачивающегося вагона, он еще раз мысленно представил себе все происшедшее.

После работы Анохин прямо с завода отправился в институт, где он учился на заочном отделении, – два раза в неделю все заочники обязаны были являться на консультацию к своим педагогам.

Завод находился на окраине Москвы, институт – в центре города. Анохин доехал очень быстро. Преподаватель, в группе которого он занимался, был свободен. Анохин сдал ему тетрадь с решенными задачами, преподаватель ее просмотрел; они поговорили, и Анохин освоился меньше чем через час.

Он вышел на улицу и переулком прошел на Кузнецкий мост.

Так называемые часы «пик», когда поток москвичей, расходящихся с работы по домам, заполняет все улицы и магазины, троллейбусы, автобусы и метро, близился к концу; прохожих было еще очень много, но уже не было той толчеи, из которой трудно бывает подчас выбраться.

Дело происходило в январе, но на дворе стояла оттепель. Зима была сиротская, морозные дни за эту зиму можно было пересчитать по пальцам. Временами падал снег, временами подмораживало, но не успевали дворники выйти со своими скребками на тротуары, как вновь начинало таять и повсюду образовывалась та отвратительная слякоть, которая портит людям и настроение, и здоровье.

Анохину нравился Кузнецкий мост. Эта улица очень походила на шумные и нарядные улицы больших европейских городов, которые ему довелось видеть. Те же великолепные магазины, те же сияющие электричеством вывески, заманчивые витрины, светящиеся зеленые и красные надписи, все очень весело, оживленно, нарядно, но было в этой улице и что-то свое, непередаваемо русское, может быть, самым приятным было сознание, что к любому прохожему можно обратиться и услышать от него ответ на своем родном языке...

Анохин постоял перед витриной большого универсального магазина, где были выставлены пестрые женские кофточки. Голубые, кремовые, желтые, зеленоватые... Из всех он облюбовал одну – сиреневую. Он решил, что в ближайшую получку приедет сюда и купит эту кофточку своей Шуре.

Потом он зашел в магазин рядом, где продавали фрукты и консервы. Здесь он купил мандаринов – и для Шуры, и для Маши. Патронажная сестра, которая приходила к ним на дом, очень советовала давать Маше фруктовые соки.

Потом он медленно поднялся по Кузнецкому мосту, повернул на улицу Дзержинского, собираясь пересечь площадь и пройти к метро.

И вот тут-то это и произошло!

Анохин стоял у самой кромки тротуара и ждал, когда перед ним вспыхнет зеленый свет светофора.

Вереницы автомобилей нескончаемым потоком стремились вниз, к площади Свердлова. «Победы», «ЗИМы», «ЗИЛы» неслись по скользкой мостовой. Милиционер, регулировавший в стеклянной будке на углу уличное движение, медлил остановить этот поток; казалось, бегу машин не будет конца.

Анохин переступил с ноги на ногу и вдруг почувствовал сильный толчок в спину и сразу же очутился на мостовой. Прямо на него неслась большая блестящая черная машина. Падая, Анохин инстинктивно взмахнул руками. Кулек с мандаринами вылетел из его рук,

и оранжевые мячики раскатились по мостовой. Анохин неизбежно должен был очутиться под колесами машины. Шофер не мог успеть затормозить.

И тут произошло нечто непостижимое. Вопреки всякой вероятности Анохин не упал, а... очутился в объятиях милиционера-орудовца. Откуда тот вынырнул, как очутился между машинами, было непонятно. Шофер не в силах был затормозить свою машину; Анохин, падающий под ее колеса, не мог спастись... Но, должно быть, условный рефлекс на милиционера, выработавшийся у московских шоферов длительными годами практики, так силен, что машина закрипела всеми своими тормозами, колеса с шипением забуксовали на одном месте и тяжелый капот машины лишь толкнул, легко подтолкнул Анохина и его спасителя вперед и замер, не подмяв их под себя.

Все последующее происходило, как обычно.

Шофер приоткрыл дверцу, но милиционер только махнул ему рукой: за шофером не было никакой вины. Не будь здесь милиционера, шофер, конечно, не удержался бы и наградил виновника происшествия несколькими теплыми словами, но на этот раз он только выразительно хлопнул дверцей и поехал дальше.

Милиционер вывел Анохина обратно на тротуар и тут же – это тоже был, вероятно, условный рефлекс, рефлекс вежливости – козырнул прохожему, только что спасенному им от смерти или, в лучшем случае, от увечья.

– Эх, молодой человек, молодой человек! – укоризненно произнес милиционер, хотя сам он был моложе Анохина. – Куда вас понесло?

– Да куда, – возразил Анохин, приходя в себя. – Меня кто-то толкнул!..

– Не надо, гражданин, не надо, все нарушители говорят, что их кто-то толкнул, – назидательно остановил его милиционер. – Придется вас оштрафовать!

Анохин оглянулся вокруг. Десятки прохожих шли мимо, и вверх, и вниз. Кое-кто равнодушно взглядывал на человека, оправдывающегося в чем-то перед милиционером, и проходил дальше. Никому не было до него дела. Анохин был уверен в том, что его кто-то толкнул, он очень ясно почувствовал сильный удар в спину. Но кто это мог быть? Хулиган? Какой-нибудь рассеянный человек, случайно на него налетевший? Слепой?.. Поблизости не было никого, и оправдываться было бесполезно: милиционер все равно ему не поверит.

– Я не возражаю, – согласился Анохин.

Только несколько придя в себя, он начал отдавать себе отчет, какой опасности ему удалось избежать... Но, должно быть, у него был слишком растерянный вид, потому что милиционер внезапно сменил гнев на милость.

– Ладно, – сжалился он. – Идите и больше не перебегайте улицы как попало...

Анохину было настолько не по себе, что он даже забыл поблагодарить своего спасителя.

Он пересек площадь Дзержинского, озираясь на этот раз во все стороны, и только в поезде метро вполне осознал, что незнакомый человек в милицейской форме рисковал ради него собственной жизнью и, по существу, спас его от смерти.

Ему так захотелось поскорее к жене и дочери, что он никуда уже не стал заходить и, против обыкновения, пришел домой с пустыми руками.

В новую квартиру Анохины переехали недавно. Сперва у них была крохотная комната в старом деревянном доме, но после рождения дочери заводоуправление дало им комнату в одном из своих новых домов. Квартира была немножко темновата – она находилась на первом этаже, но это была вполне благоустроенная квартира, с ванной, с газом и всякими прочими удобствами. Квартира была трехкомнатная; кроме Анохиных, в ней жили еще две семьи – механик Евгений Евгеньевич Деркач с женой и бухгалтер Нина Ивановна Сомова с дочерью Наташей. Деркач и Сомова работали на том же заводе, где и Анохин.

1

Деркач держался как-то обособленно от всех, а с Сомовыми Анохины жили душа в душу, особенно с Наташей, которая дружила и с Шурой, и с Машенькой. Сама Нина Ивановна Сомова была строгой сорокалетней женщиной; все внимание она отдавала лишь работе и дочери; мужа она потеряла во время войны и вторично замуж не пошла. Наташе шел восемнадцатый год, она кончала школу, была общительна, смешлива и совсем не походила на мать.

Анохин подошел к дому. Дом стоял на одной из тех новых улиц, которые стали возникать в Москве лишь в самое последнее время, – пустырь, превращенный в квартал больших, благоустроенных домов.

На улице было сравнительно пустынно – не то что в центре, – лишь изредка в отдалении мелькали прохожие. Везде в окнах горел свет. Из комнаты Деркача доносилось гудение радиоприемника. Окно комнаты Анохиных было занавешено.

Анохин приплюснулся носом к стеклу. Шура задернула занавеску не до конца. В щель был виден диван, на котором барахталась завернутая в одеяло Машенька; Шуру было видно в зеркале гардероба: она сидела за столом и читала книжку.

Анохин мог смотреть на них часами. Шура – совсем простая, беленькая, русоволосая, с острым носиком, с хитрыми губами. А Маша вышла ни в мать, ни в отца: смуглая какая-то, чернявенькая, а нос невозможно курносый – кнопка, а не нос...

Как же ему не торопиться домой!

– Наконец-то! – воскликнула Шура, когда он вошел. – Так не хотелось без тебя ужинать...

Она вдруг широко раскрыла глаза и удивленно посмотрела на мужа.

– Что с тобой? – спросила она. – Почему ты такой бледный? Какие-нибудь неприятности?

– Нет, – солгал он. – Должно быть, просто устал.

Он не хотел зря тревожить Шуру. Не прошло и двух лет как они поженились, и Анохин оберегал ее от всяких неприятностей, тем более что она еще кормила дочку. Да и рассказывать-то было нечего, & конце концов все обошлось благополучно.

Он очень любил Шуру. Она тоже работала на заводе; они познакомились, когда Анохин пришел в цех, и вскоре поженились. Не в пример кое-кому, у них как-то ладились все в семейной жизни.

Анохин поиграл с дочкой. Шура накрыла на стол. Потом они поужинали. Потом он решил перед сном позаниматься. Тригонометрия давалась ему нелегко. Анохин положил перед собой учебник и тетрадь. Шура принялась укачивать Машеньку. Вечер заканчивался как обычно.

И вдруг Анохин услышал легкий треск и звон, точно лопнуло и звякнуло стекло, и у него сразу появилось ощущение, точно мимо него, возле самого уха, пронеслась пуля, – он хорошо знал это ощущение! – да, пронеслась пуля...

Анохин поднял голову.

В стене чернела точка, которой днем не было.

– Ты слышал? – спросила Шура. – Как будто лопнуло стекло?

Он вскочил и мгновенно подбежал к двери, повернул выключатель и погасил электричество.

– Что ты чудишь? – воскликнула Шура.

– Подожди, – сказал он и осторожно подошел к окну.

Так и есть...

В обоих стеклах математически точно друг против друга зияли два маленьких ровных круглых отверстия, и во все стороны от каждого из них расходились лучики треснувшего стекла.

Это были следы выстрела.

Кто? Кто мог стрелять?..

– Какой-то хулиган выстрелил в окно из рогатки, – объяснил он жене.

Анохин подтянул занавеску до самой стенки, так чтобы не было никакого просвета.

Потом он повернулся к Шура и добавил:

– Лучше не зажигать свет, а то еще раз пальнут из рогатки. Давай ложиться спать.

– Мальчишка небось давно убежал, – сказала Шура.

– Я тебя прошу! – промолвил Анохин.

– Как хочешь, – согласилась она послушно и стала раздеваться.

В темноте, пользуясь только бледным отсветом фонарей, лившимся с улицы, он взял с полки клей, намазал листок бумаги и заклеил отверстие.

– Что ты делаешь? – спросила Шура.

– Заклеиваю окно, – сказал он.

– Да может, оно только треснуло? – спросила Шура.

– Утром увидишь, – коротко произнес он и тоже принялся раздеваться.

Шура вскоре заснула, а сам Анохин лежал в постели и не мог заставить себя даже закрыть глаза.

В комнату стреляли, стреляли в него, – слова, которые были сказаны ему при отъезде в Россию, оправдывались. Теперь он уже не думал, что сегодняшнее происшествие на улице было простой случайностью.

2. Ночь в пустыне

Ох сколько таких страшных ночей осталось у него в прошлом!

Он лежал в отвратительном душном бараке после тяжелого рабочего дня; соседи по комнате храпели, ругались и стонали во сне, а он не мог заснуть, все думал, думал, вспоминал...

К югу от городка, возле которого они строили американский военный аэродром, тянулась бесконечно жаркая и пыльная африканская пустыня, а он вспоминал Россию, вспоминал ее ласковую и добрую землю, вспоминал родные поля и перелески и не верил, тосковал и не верил, что когда-нибудь вновь очутится на родине...

Там, в России, у него были имя, отчество и фамилия, там его звали Павлом Тихоновичем Анохиным, а здесь он был существом без имени и лица, изгоем, каторжником, рабом – рабочим строительного отряда М-19 № 482/24.

Да, человек номер четыреста восемьдесят два дробь двадцать четыре... Именно «дробь»!

Родился Анохин в Бобруйске в 1925 году, там прошли его детство и юность. Отец работал в магазине продавцом; семья жила бы в достатке, если бы не пристрастие отца к выпивке. У сына сложилось впечатление, что доходы отца были не совсем чистые, но, как говорится, не пойман – не вор. Мать то ревновала отца, то требовала от него денег. На детей ни мать, ни отец не обращали особого внимания. Павел был предоставлен самому себе. Он шлялся со своими приятелями где хотел, курил с десяти лет, с пятнадцати начал выпивать. Ничего он не ценил, ничего ему не было дорого: ни родители, ни школа, ни Бобруйск. Началась война. Отца призвали в армию. Спустя пятнадцать лет, по возвращении в Россию, Павел узнал, что отец погиб на фронте. Если за ним и были какие-нибудь грешки, он искупил их своей смертью. Бобруйск заняли немцы. В 1942 году Павла вместе с другими подростками и юношами угнали в Германию. Мать во время владычества немцев умерла от голода. Об этом Павел тоже узнал позже. В Германии Павла отдали в батраки помещику Меллендорфу. Это было форменное рабство. Русские батраки заменяли Меллендорфу и рабочий скот, и даже тракторы, для которых не хватало горючего. Труд от зари до зари, а взамен побои и ржаной кофе с печеной брюквой.

Летом 1945 года Павел бежал на запад. В поисках работы он переходил из города в город. Спустя год, измученный бродяжничеством и недоеданием, он завербовался в качестве строительного рабочего в Марокко.

Затем – пять лет в Африке, пять лет в душных и грязных бараках, пять лет бесправного, унижительного существования!

Строительный отряд М-19, в который был зачислен рабочий № 482/24, расквартировали в городе Маракеше. В Мюнхене Анохину дали прочесть несколько книг, где описывался этот самый Маракеш. Он прочел эти колониальные романы, и его потянуло в Африку. Финиковые пальмы, суровые бедуины, роскошные женщины... Отвратительный город, в котором нет никого, кроме голодных, злых и жуликоватых ремесленников. Не считая, конечно, американских офицеров, которые обращались с завербованными рабочими хуже, чем с военнопленными. Хуже, чем с собаками! Сколько раз вспоминал Анохин милый Бобруйск! Да этот клятый Маракеш в подметки не годится Бобруйску!

И всегда один, один, наедине со своей тоской и неприютностью!

В 1951 году среди рабочих появились русские матерые эмигранты. Они ходили по баракам, знакомились с людьми, приглядывались, расспрашивали, пытаясь. Всем хотелось жрать, одеться, вырваться из этого африканского ада. Некоторым – нет, далеко не всем, – тем, кто был посмышленнее, помоложе, поздоровее, предлагали ехать в Западную Германию учиться. Чему? Если бы они знали чему!

Павел Анохин тоже попал во Франкфурт-на-Майне и очутился в «Институте изучения СССР».

Боже, что это был за институт! По утрам там читались лекции о России, о Советском Союзе, обо всем том, что было оставлено и никогда не могло вернуться. «Лекторы» наперебой доказывали, что никогда и ничего хорошего в России не было и нет: тупой народ, грязная страна, вечное недовольство. А по вечерам «лекторы» играли со «студентами» в карты, поили их водкой и раздавали талоны для посещения публичных домов...

2

Тех, кто не спился, лучших «воспитанников» института, через несколько месяцев перевели в специальную разведывательную школу, которой руководили американские офицеры. Большинство из них скрывали свои настоящие фамилии, «лекторов» и «учителей» знали только по кличкам, как собак: Джон, Джим, Макс, Бобби, Тонни...

Впрочем, Анохину тоже дали кличку, в списках школы он значился под именем Поль.

Самыми страшными людьми в разведывательной школе были некоторые русские эмигранты. Люди, у которых не осталось ничего святого. Волки в человеческом облике. Среди них был некий Затолович. При немцах он работал в гестаповской разведке в Могилеве. Числился он переводчиком, но ни один мало-мальски серьезный допрос не проходил без его участия. Он сам рассказывал, как загонял людям иголки под ногти, как срывал ногти, как лил им на раны соляную кислоту. Он рассказывал об этом с улыбочкой, хвастаясь умением развязывать своим жертвам языки. Или Жадов, мелкий помещичек из-под Армавира. Собственно говоря, сам он помещиком не был, помещиком был его отец. Но Жадов считал себя ограбленным революцией и не мог этого простить. Высокий, худой, черноволосый, похожий на черкеса, он любил иногда наряжаться в бурку и ходить, сверкая глазами. Он считался в школе специалистом по оружию и стрельбе. Однажды во время войны, приехав с карательным отрядом в какую-то деревню, он разрешил всем женщинам и детям уйти в лес. А когда те отошли на приличное расстояние, собственноручно перестрелял их всех. По крайней мере, так он рассказывал. Он называл себя первым русским снайпером. Еще до конца войны он очутился в американской зоне Германии. Советский военный трибунал в Киеве заочно приговорил Жадова за все его зверства к повешению, но он только смеялся над этим. «Я еще вернусь в Киев и лично перепорю своих судей!» – бахвалился он. Такие, как Жадов или Затолович, ни перед чем не могли остановиться.

Затолович и Жадов пользовались особым доверием у начальства. В их ненависти к Советскому Союзу нельзя было сомневаться. Их побаивались даже некоторые американцы. Стоило какому-нибудь русскому выразить желание уйти из разведывательной школы, как Жадов приглашал его «прогуляться» – «в ресторан», как выражался Жадов, – и больше уже с этим человеком никто не встречался.

В школе обучали убивать, клеветать, изготавливать фальшивые документы, писать симпатическими чернилами, играть на гармошках, которые на самом деле были радиоприемниками, пользоваться фотоаппаратами, сделанными в виде часов, – всему тому, чем напичканы низкопробные детективные романы.

И, наконец, пришел день расплаты за американское хлебосольство. Анохину и его товарищам по школе сказали, что их перебросят в Советский Союз. Там они должны будут собирать сведения о военных аэродромах, выявлять радарные установки, находить недовольных, вербовать людей для борьбы с советской властью и организовывать подрывные группы...

Анохин получил готовый шпионский набор: комплект фальшивых документов, бесшумные пистолеты, ампулы с ядом, портативную радиостанцию, фотоаппарат и добрую пачку настоящих советских денег.

Кому какое дело до того, что делается на воздушной базе одного государства, расположенной на территории другого?

Анохина на самолете доставили, выражаясь образно, к подножию Парфенона, под сень оливковых рощ. На самом деле Парфенона он не увидел даже издали, а что касается рощ, ему не пришлось попробовать ни одной оливки: в Греции его накормили консервированной американской колбасой и напоили кофе с галетами, а для смелости поднесли стакан дешевого греческого коньяку.

Вечером после трапезы его пригласили к какому-то американскому майору.

Они разговаривали в крохотной комнате с голыми стенами, похожей на тюремную камеру, с маленьким круглым окном вроде иллюминатора, зарешеченным металлическими прутьями.

– Желаю вам успеха, – сказал майор на хорошем русском языке. – Каждый месяц мы будем перечислять на ваш текущий счет двести долларов. Когда вы вернетесь, вы сможете жить где угодно и как угодно. Но запомните и другое. Если вы вздумаете бездельничать или, боже упаси, нас предать, вы погибнете. Прежде всего вас расстреляют сами большевики. Ну а если они этого не сделают, сделаем это мы. От нас вам не уйти. Мы имеем своих людей во всех уголках земного шара. Достаточно нам приговорить вас к смерти, как не пройдет недели...

Майор неожиданно захохотал.

– Впрочем, зачем я это говорю? – прервал он самого себя. – Ты хороший парень, и ты любишь свободу. Действуй, наблюдай, доноси, в случае надобности убивай, и тебе будет обеспечено наилучшее существование... А если попадешься в руки к этим бесчеловечным большевикам, убей себя, ампулы с ядом вшиты в твой воротник.

Майор похлопал его по плечу.

– Тебя обучали радиосвязи? – спросил он. – Умеешь работать на коротких волнах?

– Экзамен я сдал, – ответил Анохин. – Как будто умею.

– Я тебе дам волну и позывные, – сказал майор. – Запомни: Москва, Курская дорога, станция Льговская, деревня Тучкове Между станцией и деревней лес. Найдешь укромное место и будешь вызывать штаб. Штаб русских повстанцев. Каждую пятницу от пяти до семи. Понятно?

– Понятно, – послушно сказал Анохин.

– Тобой будет руководить штаб русских повстанцев, готовых к выступлению, когда для этого придет время, – объяснил майор. – От этого штаба ты будешь получать задания. Там ты получишь и явки в Москве. Понятно?

– Понятно.

– «Любимый город может спать спокойно», – хриплым дискантом и безбожно фальшивя, неожиданно пропел майор.

Он пытливо взглянул на Анохина.

– Понятно?

– Нет, – сказал Анохин.

Майор засмеялся.

– Первые два слова – позывные, ты будешь передавать их на указанной волне. А окончание фразы – отзыв... Если кто и перехватит их, ни о чем не догадается.

– Понятно.

– Затем я могу пожелать тебе спокойного пути, – сказал майор и даже пожал ему руку. – Иди, голубчик, иди, – сказал он. – Время – деньги. Иди и освобождай свою родину. Мы тебя не забудем.

Все было предельно ясно: иди и освобождай свою родину, а мы тебе будем платить за это двести долларов в месяц.

Особенно противно прозвучало слово «голубчик». Оно было сказано очень правильно, четко, по-военному. Должно быть, этот майор очень старательно изучал русский язык и знал

слова, какими следовало поощрять тех русских парней, которые соглашались за умеренное вознаграждение рисковать своей жизнью и освободить Россию для американцев.

Не успел он выйти от майора, как его повели к самолету. Черное небо, черное поле, черные тени незнакомых людей... Он не успел даже как следует рассмотреть самолет. Заметил только, что он был без опознавательных знаков.

– Быстро, быстро! – сказал ему кто-то из темноты. – Пилот должен к утру вернуться.

Анохин поднялся в самолет. В кабине самолета находился незнакомый человек в штатской одежде, с узким лицом и прищуренными глазами. Он приблизился к Анохину.

– Как вас зовут? – строго спросил он.

Анохин не знал, каким именем ему надо назваться: своим настоящим или кличкой, под которой он числился в списках школы.

– Поль, – ответил он наугад.

– Отлично! – сказал незнакомец. – А меня зовут Ральф. Будем знакомы.

Он пожал Анохину руку и указал на кресло.

– Садитесь!

Около кресла лежал аккуратно сложенный парашют и стоял чемодан со всем его шпионским снаряжением. Анохин сел.

Незнакомец выглянул наружу, что-то сказал и захлопнул дверцу кабины. Потом он вернулся и сел напротив Анохина.

Зарокотал мотор, и почти одновременно в кабине самолета погас свет.

– Можно немножко спать, – сказал незнакомец в темноте. – Я вас буду разбуживать над Россией.

Но спать Анохин не мог. Как майор его ни подбадривал, ему сейчас не так уж хотелось на родину... Но выхода у него не было.

То, что оставалось позади, не вызывало у Анохина никаких сожалений. Аккуратные и чересчур прилизанные немецкие городки. Шумные и слишком безалаберные французские городки. Раскаленные и насквозь пропыленные африканские городки. И лагеря, лагеря, лагеря. Для беженцев. Для военнопленных. Для волонтеров. Для мобилизованных. Для безработных. Для рабочих. Для перемещенных лиц...

3

Вокруг него была ночь; он плыл в ночи, и у него было такое ощущение, что в течение всех этих двенадцати лет тянулась одна бесконечная ночь.

Он не знал, что ждет его впереди, и боялся, смертельно боялся того, что ждет его впереди, и нисколько не меньше ненавидел то, что тонуло позади него в этом страшном и пустынном ночном небе.

Было темно, очень темно. Мотор гудел ровно и монотонно. Самолет плыл в ночном небе, как большая черная птица.

3. Прыжок на родину

Самолет повис в воздухе.

– Прыгайте! – приказал ему незнакомый человек в штатской одежде и с собачьим прозвищем Ральф. – Храни вас бог!

Прыгать было страшно, но не прыгать было нельзя. Самолет висел в черном жестоком небе. Коньяк давным-давно выветрился из головы. Противный страх, точно холодная устрица, застрял в горле. Хорошо тому говорить «Прыгайте!». Сохранит его бог или нет, было неизвестно!

Он прыгнул... Никто его не ждал, никому он не был нужен, а ведь он возвращался на родину, на родную землю, от которой был оторван вот уже в течение двенадцати лет!..

Он вовремя дернул вытяжное кольцо – над ним взметнулся синий шелк парашюта; Анохина закачалось, замотало в воздухе, и он упал – упал на влажную и колючую землю.

Это было жнивье.

Вокруг не было никого, вокруг него расстилалось только бескрайнее русское поле...

Анохин встал, отцепил парашют, подтянул к себе, огляделся, парашют взял под мышку, в другую руку взял чемодан со своим имуществом и зашагал по полю.

В ближайшей балке саперной лопаткой вырыл яму, спрятал в нее парашют, засыпал землей, забросал сверху травой, листьями, сухими ветками, пошел дальше.

Вскоре он вышел на дорогу. Навстречу шел грузовик. Анохин поднял руку. Шофер остановился. Анохин попросил его подвезти. Он сказал, что был в командировке, пошел пешком на станцию и заблудился. Сказал наугад: он не знал, близко или далеко находится железнодорожная станция. Шофер недоверчиво хмыкнул, он подумал, что перед ним незадачливый муж, спасающийся от жены. Шофер всех мерил на свой аршин, он сам однажды убежал так от жены. Анохин пообещал хорошо заплатить. Шофер пренебрежительно махнул рукой и посадил Анохина рядом с собой в кабину, Анохин доехал до станции и дал шоферу пятьдесят рублей. Шофер удивленно посмотрел на «короля» – так шоферы называют случайных пассажиров, – «король» заплатил ему действительно по-королевски, но Анохину не жаль было хозяйских денег. Они выпили в буфете вокзала по кружке пива – угощал шофер, – Анохин купил билет и в первом же поезде поехал в Москву.

Все было очень просто и очень необычно. Никто его ни в чем не подозревал. Все были с ним очень предупредительны. Соседи по вагону угощали чаем, ватрушками, помидорами. Он сам выходил на станциях, покупал кур, яйца, яблоки. Только не решался пить водку: боялся захмелеть и проговориться.

У Анохина было каменное сердце. Он сам считал, что оно у него каменное. Давным-давно разучился он кого-нибудь жалеть. Выпивка, женщины, деньги – вот все, что было ему нужно, и поменьше работы. Какая-то девочка принялась угощать его ирисками. «Дядя, возьмите, возьмите!» – уговаривала она его. «Возьмите, – сказала ее мать. – Не обижайте дочку». В течение двенадцати лет никто с ним так не разговаривал. В разведывательной школе его учили убивать таких девочек. Чувство жалости затопило Анохина. Нет, он жалел не девочку – ее нечего было жалеть, – он жалел самого себя. На что это ему все: радиомаяки, пистолеты, ампулы?!

Он приехал в Москву. Вышел на привокзальную площадь. Сразу погрузился в сутолоку большого города. Все было не так, как представлялось ему в воображении. Везде стояли новые дома. Везде торговали магазины. Нигде не было никаких очередей за продуктами.

Надо было что-то делать. Сегодня только четверг... Разыскивать ближайший аэродром и записывать, сколько там находится самолетов?

Ему вдруг захотелось скрыться, спрятаться, утонуть в этом большом и кипучем городе, так утонуть, чтобы его никто и никогда больше не нашел. Он пошел по площади, дошел до угла, постоял, пошел обратно. Чемодан оттягивал ему руку. Ему казалось, что к нему вот-вот подойдут и прикажут открыть чемодан. Чемодан казался ему тяжелее, чем был на самом деле. К нему подошел носильщик.

– Поднести? – спросил носильщик.

Он ничего не ответил и опять пошел прочь от вокзала. Он боялся ходить с чемоданом по городу, но ему некуда было его деть. К нему подошла какая-то девушка и спросила:

– Где тут камера хранения?

Тогда он подумал, что тоже может сдать чемодан на хранение. Сдать чемодан было опасно, но не менее опасно было таскаться с ним по городу. Он долго колебался, но потом рискнул.

К его удивлению, ничего не произошло. Чемодан взяли, выдали квитанцию, никто его не задержал.

Он поехал в город. Ходил по улицам. Зашел в какую-то столовую, поел. Опять ходил. Вечером пошел в кинотеатр, на последний сеанс. Вышел на улицу. Хотелось спать. Идти было некуда. В гостиницу он боялся пойти. Половину ночи слонялся по улицам, вторую половину сидел на бульваре и дремал.

Наступило утро. Он поехал на вокзал, взял билет до станции Льговская. Но брать чемодан из камеры хранения не стал: без чемодана он чувствовал себя спокойнее. Доехал до Льговской. Спросил дорогу на Тучково. Вышел на дорогу, свернул в лес. Там нашел полянку, поросшую редкой, шершавой травкой. Он лег на полянке и заснул. Проснулся он перед вечером и обедать поехал в Москву, а ночевать – обратно на Льговскую. Ночью в лесу ему спалось плохо, он замерз. Он опять поехал в Москву. Вдруг ему пришла в голову спасительная мысль, что только в поезде он чувствовал себя в безопасности. Он боялся получать чемодан в камере хранения, боялся предъявлять свой паспорт. Но никто не стал изучать его паспорт, мельком прочли его фамилию и выдали чемодан. Он переехал с Курского вокзала на Казанский, взял билет до Свердловска в мягком вагоне – денег у него было достаточно.

В вагоне он отоспался, но в Свердловске повторилось то же самое, что и в Москве.

Какая-то женщина заметила, как он слоняется у вокзала, и предложила ему пойти к ней переночевать. Она сказала, что иногда пускает к себе приезжих поприветнее, которые не смогли устроиться в гостинице. Она жила неподалеку от вокзала в двухкомнатной квартире; в одной комнате помещалась она сама с мужем и сыном, в другой стояла пустая койка; она брала с постояльцев за ночевку по семь рублей.

Анохин ночевал у нее две ночи, но не мог уходить и оставлять свой чемодан: боялся, что хозяйка заглянет в него.

На третий день он поехал обратно в Москву, но уже в жестком вагоне, билета в мягкий он не достал. В Москве он прожил два дня. Никакого штаба, никаких повстанцев он искать не хотел. Но была как раз пятница. Он поехал на Льговскую, зашел в лес, настроил радиоприемник, дождался пяти часов и почти целый час выстукивал: «Любимый город... любимый город...» Никто не отзывался. У него зародилось сомнение: что это за повстанцы и существуют ли они на самом деле? Может быть, они уже сидят в тюрьме?

Он закрыл чемодан и поехал обратно в Москву.

В тот же день он уехал в Киев.

До Киева он не доехал: ему почему-то показалось опасным ехать в Киев. Он вылез на каком-то полустанке и еле-еле отвязался от любознательного милиционера, который заинтересовался, к кому и зачем он приехал, когда Анохин устроился на ночевку в зале ожидания

для пассажиров. Оказалось, что в больших городах скрываться от милиции легче. Утром он купил билет и с пересадками доехал до Минска.

Из Минска поехал в Москву...

Так он прожил два месяца.

Никто им не интересовался, никому не был он нужен. Если он к кому-нибудь за чем-нибудь обращался, ему большей частью шли навстречу, давали советы, справки, разъяснения. Никто ни в чем его не подозревал, это было совершенно очевидно. Бесчисленные попутчики, которые попадались ему во время его нескончаемых разъездов, были предупредительны, а иногда даже заботливы.

4

Везде текла нормальная, простая жизнь. Один Анохин болтался неприкаянный, одинокий и никому не нужный. Ему хотелось приткнуться – куда-нибудь, лишь бы приткнуться, он не мог дольше выдерживать такое существование...

С какой стати он должен портить всем этим окружающим его людям жизнь? В конце концов, что сможет сделать ему этот майор, который так старательно называл его голубчиком? До каких пор будет он мыкаться из города в город?

Анохин опять поехал в Москву. «В последний раз», – сказал он себе, хотя вовсе не был уверен, что в последний раз...

В сотый раз он вышел на привокзальную площадь. Дошел до остановки троллейбуса. Постоял. Потом пошел было обратно к вокзалу. Вернулся к остановке. Сел в троллейбус и поехал в центр города. Там он долго ходил по улицам. Трудно было решиться на то, что он надумал. Не хватало мужества. Он шел на верную гибель. Американцы советовали Анохину в случае задержания немедленно покончить с собой. В советских застенках, уверяли они, каждого задержанного ждут пытки и смерть. Умирать не хочется никому. Но и убивать своих соотечественников Анохин тоже был не в силах. И так и этак – все было нехорошо. А лгать он больше не хотел. Анохин зашел в первое попавшееся кафе и как следует наелся. Осетрина, сосиски, курица, пирожное. Пил он только лимонад. Даже пиво не стал пить. Он не хотел терять рассудок. Потом подошел к справочному киоску и спросил, где помещается разведка. Барышня, сидевшая в киоске, посмотрела на него отсутствующим взглядом. Она такого учреждения не знает. «Разведывательное управление, уголовный розыск, МВД», – настаивал Анохин. Барышня попросила оставить ее в покое. Тогда он подошел к первому попавшемуся ему по дороге милиционеру.

– Я шпион, – сказал Анохин. – Отведите меня!

– Вы лучше идите домой, – сочувственно посоветовал милиционер. – Идите и проспитесь.

Анохин настаивал на своем. Им вдруг овладело упрямство. Он с трудом уговорил милиционера пойти с ним в отделение милиции. Там он раскрыл свой чемодан. Ну тут уж ему никого не пришлось уговаривать. Через полчаса его увезли на машине туда, куда он так настойчиво хотел попасть.

Он сидел в кабинете перед лейтенантом, которому было поручено вести дело, и рассказывал все о себе и о своих хозяевах, о Маракеше и Франкфурте...

– Ну что нам с вами делать? – сказал лейтенант после долгого разговора. – Арестовывать или отпускать...

Он оставил Анохина одного, ушел куда-то, по-видимому, советоваться.

– Вот вам записка в гостиницу, – сказал он вернувшись. – Идите, отдыхайте, а утром возвращайтесь, пропуск вам будет заказан.

– А если я убегу? – спросил Анохин.

– Ну куда вы от нас денетесь? – добродушно сказал лейтенант. – Вы сделали лучшее, что могли для себя придумать.

Это было слишком прозаично. Анохин ждал чего-то необыкновенного, он был даже разочарован.

Потом потянулись допросы, один другого скучнее и мучительнее. Он рассказывал все, что знал, и все, о чем он рассказывал, до того ему омерзело, что он думал только о том, как бы поскорее ему от всего этого освободиться.

Изо дня в день подходил он к серому многоэтажному зданию, заходил в бюро пропусков, предъявлял дежурному коменданту свой фальшивый паспорт, получал пропуск, на лифте поднимался на пятый этаж, заходил в комнату № 427, здоровался со своим лейтенантом и начинал рассказывать... Несколько раз по пятницам вместе с лейтенантом он ездил в Тучкове. Но штаб русских повстанцев молчал.

Наконец наступил момент, когда Анохин исчерпал всего себя.

– Что со мной сделают? – спросил он, он уже не сомневался в том, что его не расстреляют.

– Ничего, – сказал лейтенант. – Вас решили простить.

– Как это «простить»? – переспросил Анохин. – Как же это можно?

– А зачем вас казнить? – добродушно возразил лейтенант. – Живите, работайте, из вас еще выйдет что-нибудь путное.

Анохин растерялся.

Ох с каким наслаждением схватил бы он за глотку одного из своих «лекторов»...

– Так вот, все, Павел Тихонович, – сказал лейтенант. – Живите, работайте. Вот вам адреса. Получайте честные документы, поезжайте на завод, здесь он указан. Вы говорили, что хотите стать механиком. Вас примут там на работу. А что касается штаба повстанцев, то они, вероятно, сменили свои позывные и пароли после вашего исчезновения, а явку заморозили. В общем, все в порядке. Желаю успеха!

Лейтенант встал, вышел из-за стола и пожал Анохину руку – не с тем надменным и покровительственным видом, как делали это американские офицеры, когда отправляли его в Россию вредить, убивать и шпионить, а совершенно просто, по-приятельски, как свой своему, как честный человек честному человеку.

– Меня зовут Дмитрий Степанович Евдокимов, – сказал лейтенант. – Прошу не забывать. В случае чего, милости просим. Какая-нибудь заминка, недоразумение – прошу...

И все действительно произошло так, как сказал Евдокимов. В отделении милиции ему выдали паспорт, и для этого не пришлось никого ни убивать, ни обманывать. На заводе приняли на работу, дали комнату. В цехе ему понравилась Шура Лужникова, и хотя он все ей о себе рассказал, она не побоялась выйти за него замуж. В прошлом году он поступил на заочное отделение института...

И вот пришла расплата. Путь к честной жизни ему был заказан. Он не захотел изменять, убивать, предавать, и вот теперь его за это убьют. Шура овдовеет. Маша станет сиротой...

От своих прежних «хозяев» никуда не уйти. Они его предупреждали. И он сам видит, что никуда не уйти. Напрасно он воображал, что все плохое позади. Не пойти с повинной он не мог. Но жениться было не нужно. Не нужно было поступать в институт. Это все ни к чему. Если он не попал под машину, его застрелят. Если не застрелят, расправятся еще как-нибудь. У них везде свои люди. Где бы он ни был, его настигнут...

Всю ночь Анохин не сомкнул век. Только в Африке, в этой чертовой раскаленной, безвоздушной пустыне, он переживал такие мучительные ночи. Один, один со своей бесконечной тоской и без всякой надежды на будущее...

И вот опять он очутился один, в пустыне, наедине со своею тоской. Что он может сказать Шуре? Было преступлением с его стороны жениться на ней, да еще завести дочку.

Не сегодня завтра его убьют. У Шуры не будет мужа. У Маши – отца. Что с ним сделают? Бросят под машину? Застрелят? Отравят?..

4. Комната № 427

– Ты не заболел? – спросила Шура утром мужа.

У него был такой несчастный вид.

– Нет, – сказал он.

Ему плохо удавалось скрыть тревогу, терзавшую его сердце.

– Ты сходи в поликлинику, – предложила Шура. – А то что я буду с вами двумя делать?

Машу уже несколько дней не носили в ясли: там был случай кори, и в яслях объявили карантин. Маша была здорова, но Шура очень боялась, что Машенька заболит корью.

– Придется опять просить Наташу присмотреть за Машенькой, – сказала Шура. – Ты бы купил Наташе конфет...

При всех затруднительных обстоятельствах Анохины обращались за помощью к Наташе Сомовой, и не было еще случая, когда бы она их не выручала.

– Хорошо, – сказал Анохин. – Я схожу в поликлинику.

Машенькой они, конечно, нагрузили Наташу. Анохин и Шура вышли из дому вместе; она побежала на завод, он пошел в поликлинику.

– Ты скажи в цехе, – попросил он жену, – что я заболел...

На самом деле он отправился совсем в иную сторону.

Он подошел к знакомому зданию, вошел в бюро пропусков, спросил, как найти лейтенанта Евдокимова.

– Вы Анохин? – спросил из окошечка старшина.

– Да, – с некоторым удивлением сказал Анохин.

– Имя–отчество?

– Павел Тихонович.

– Правильно.

Старшина порылся в пачке готовых пропусков и протянул один из них Анохину.

– Как... – начал было Анохин.

– Пропуск вам заказан, – сказал старшина. – Получите. Вас ждут...

И вот в руках у Анохина опять, как и тогда, два года назад, пропуск в комнату № 427, он опять входит в знакомый кабинет.

5

Тот же желтый письменный стол, те же стулья, обитые коричневым дерматином, шкаф с книгами.

Евдокимов все такой же простой, симпатичный парень, он никак не изменился, также зачесаны назад гладкие русые волосы, также пытливо смотрят на вошедшего голубые глаза, только на погонах прибавилось по звездочке: он уже не просто лейтенант, а старший...

– Здравствуйте, Павел Тихонович, – приветствует он Анохина. – Рад вас видеть. Мы знали, что вы придете...

– Почему? – спросил Анохин. Евдокимов смущенно улыбнулся.

– Это не имеет существенного значения. Существенно то, что человек, толкнувший вас под машину, успел скрыться. Но мы его разыскиваем и, конечно, разыщем. В этом вы не сомневайтесь.

– Я не сомневаюсь, – машинально сказал Анохин. – Но меня удивляет... Даже, вернее сказать, я поражен тем, что...

Он осекся, будучи не в состоянии выразить всей полноты своего изумления осведомленностью Евдокимова. Но тут же другое чувство властно вытеснило все остальное. «Неужели все эти годы, – подумал он, – советская разведка следит за мной, не доверяет мне?»

– Раз вы решили стать честным человеком, наша обязанность оберегать ваш покой и вашу жизнь, как мы оберегаем покой и жизнь всех советских людей, – оказал Евдокимов, как бы прочитав мысли Анохина.

– Неужели все эти годы вы следили за мной?! – воскликнул Анохин с оттенком горечи.

– Не следили, а охраняли, – мягко поправил Евдокимов, – и знаем, что дней пять назад в одном из справочных бюро Москвы неизвестный гражданин узнавал ваш адрес. Нам стало ясно, что вас кто-то разыскивает, и мы усилили охрану.

– Хороша охрана! – воскликнул Анохин. – Вчера вечером после истории с машиной меня чуть не пристрелили дома.

Евдокимов изменился в лице.

– Не может быть! Ваш дом охраняется. Это вам, наверное, показалось! Вы ошибаетесь!

Анохин покачал головой:

– Ну то что меня пихнули под автомобиль, мне могло показаться. Но окно, окно... Камнем стекло так не пробьешь, я в этих делах разбираюсь.

Евдокимов задумчиво произнес:

– Нет, под машину вас действительно толкнули, и наш человек вас спас, а вот выстрел...

Ну что ж, поедем...

– Куда? – спросил Анохин.

– К вам, – ответил Евдокимов. – Посмотрим на месте.

Они поехали к Анохину домой. Сомнений не было. Стекло действительно было пробито пулей.

– Где вы сидели? – спросил Евдокимов. – Покажите.

Анохин сел за стол так, как сидел накануне. Пуля пролетела возле самой головы Анохина и застряла в стене.

– Бесшумный пистолет новейшей конструкции... – сказал Евдокимов и задумался. – Но почему же все-таки убийца промазал? И почему наш человек ничего не заметил?

Он еще подумал.

– Если вас решили убить, не могли же это поручить какому-нибудь новичку?

Он походил по комнате, мысленно прикидывая, как все это могло произойти.

– Знаете что? – предложил он Анохину. – Задерните занавеску так, как она была задернута вчера, зажгите свет, а сами сядьте за стол. Я попробую заглянуть в комнату с улицы.

Анохин послушно все исполнил.

Евдокимов вышел на улицу, подошел к окну: между занавеской и косяком окна был просвет пальцев в пять, но Анохин был еле виден, его отражение яснее виделось в зеркале платяного шкафа...

Евдокимов мысленно прицелился и вдруг – впрочем, тоже мысленно – ахнул и побежал обратно в квартиру.

– Все понятно! – сказал он Анохину. – Стрелял первоклассный стрелок. Но, во-первых, он очень торопился, чувствуя слежку, и, вероятнее всего, стрелял на ходу, а во-вторых, он вас не видел, а видел только ваше отражение в зеркале и при помощи зеркала корректировал свой прицел. Вы действительно родились в рубашке. Редкий стрелок возьмется стрелять по такой мишени, да еще через стекла. Уклонение в два-три сантиметра тут более чем вероятно...

Анохин побледнел.

– Ну, значит, мне крышка, – пробормотал он. – Мне от них не уйти!

– Вздор! – возразил Евдокимов. – Если у них ничего не получилось вчера, теперь и подавно не получится.

Евдокимов подошел к Анохину и протянул ему руку.

– Неужели выдумаете, что мы с ними не справимся?

Анохин пожал протянутую ему руку.

– Спасибо, – сказал он. – Но вы их не знаете!

– Знаю-знаю, – утешил его Евдокимов. – Знаю и приму меры!

Хотя на самом деле он еще ничего-ничего не знал.

– Продолжайте жить как ни в чем не бывало, – сказал он Анохину. – Сегодня я пришлю к вам врача, он оформит ваше отсутствие на заводе, а все остальное я беру на себя.

Он брал на себя очень большую ответственность, но не взять ее он не мог. Анохин глубоко вздохнул.

– Эх если бы вы знали, как мне опять нехорошо!..

– Ничего, – утешил его Евдокимов. – Держите себя в руках и не подавайте вида, что вы чем-то встревожены. Будьте осторожны: береженого, как говорится, бог бережет. Поэтому берегитесь сами, а уж функции бога мы возьмем на себя.

5. Ночные посетители

– Да вы садитесь, Дмитрий Степанович, – благодушно сказал генерал, выслушав доклад Евдокимова. – В ногах правды нет. Подумаем, посоветуемся. В таком деле требуется взвесить все очень обстоятельно...

Когда Иван Николаевич Пронин (а это был именно он) приглашал садиться, это значило, что начиналась разработка оперативного плана. Его встретил поседевший человек, в котором непросто было узнать чекиста Ивана Пронина... Да, он давно уже носил генеральские погоны.

– Итак, – сказал генерал, – имеется раскаявшийся шпион и нераскаявшиеся хозяева. Они о нем вспомнили. Два года не вспоминали – и вдруг вспомнили. Ну, это понятно. Во-первых, два месяца назад в печати появилось интервью Анохина, почему он явился с повинной. Это интервью не могло понравиться его прежним хозяевам. Так что он сам напомнил о себе. Во-вторых, примеру Анохина последовали еще несколько агентов. Их прежним хозяевам это тоже вряд ли нравится. В-третьих, интервью Анохина может побудить и других последовать его примеру. Следовательно...

Пронин остановился.

Майор Пронин в молодые годы

Евдокимов вежливо молчал.

– Почему вы молчите? – вдруг спросил генерал Евдокимова. – Что «следовательно»?

– Следовательно, есть прямой расчет убить Анохина, – ответил Евдокимов. – Пусть даже в Москве чувствуют карающую руку господина...»

– Не будем называть этого господина, – прервал генерал Евдокимова. – Но удержать его руку мы обязаны.

Генерал вопросительно посмотрел на Евдокимова. Чем-то он напоминал Евдокимову старого, умного и снисходительного учителя.

– Не так ли? – спросил генерал.

Евдокимов вежливо наклонил голову:

– Так.

Иван Николаевич внезапно отвлекся:

– Ну а теперь поинтересуйтесь этим...

Он полез в стол, достал кожаную папку, извлек оттуда какую-то бумажку, протянул Евдокимову.

– Вот, поинтересуйтесь! Шифровка. Две недели назад неопознанный самолет ночью пересек нашу южную границу. В квадрате «К-43» он задержался и исчез. Что он там делал, неизвестно. Пока не обнаружено ничего.

Евдокимов просмотрел шифровку, там было сказано не больше того, что сказал генерал.

– Не угодно ли? – спросил генерал. – Задача!

Он провел над губой пальцем, точно разглаживал усы, хотя никаких усов у него не было.

– Да, ночные посетители! – вздохнул генерал. – Надоело!.. – Он не договорил и еще покопался в папке. – А вот еще донесение. Около двух недель назад из Бад-Висзее исчез один из лучших инструкторов американской разведывательной школы, известный под кличкой Виктор.

Генерал поцокал губами:

– Еще одна задача!

Он достал еще какую-то бумажку:

– А это справка. Настоящее имя этого Виктора – Семен Семенович Жадов, уроженец города Армавира, 24 февраля 1944 года военным трибуналом Первого Украинского фронта заочно приговорен к смертной казни за организацию массовых расстрелов украинского населения.

Генерал вскинул на Евдокимова серые, выцветшие от времени глаза:

– Понятно?

Евдокимов не знал, что ему должно было быть понятно.

– Простите, – почтительно сказал Евдокимов. – Вы думаете...

– Я ничего не думаю, – прервал его генерал. – Я перебираю факты.

Евдокимов замолчал.

6

– Ну а что думаете вы? – спросил генерал. – Говорите.

– Я думаю, что его забросили к нам, – сказал Евдокимов. – А вы, товарищ генерал?

– А я не знаю, – сказал Пронин. – Может, забросили, а может, нет. Фактов еще недостаточно.

– Можем ли мы быть уверены, что во всех этих случаях действует одна и та же разведка? – спросил Евдокимов.

– Можем, – ответил генерал. – В этом мы можем не сомневаться.

– Значит, надо искать Жадова? – спросил Евдокимов.

– Надо, – сказал генерал.

– Но ведь точных данных, что он заброшен, у нас нет, – сказал Евдокимов.

– Все равно надо.

– Слушаюсь, – сказал Евдокимов.

– С чего думаете начать? – спросил генерал.

– С танцев, – ответил Евдокимов.

– Вы имеете в виду Эджвуда? – спросил генерал.

– Так точно. Попробую начать с него.

– А что, опять выкидывает какие-нибудь штучки? – спросил генерал.

– Так точно, – сказал Евдокимов. – Все то же.

– Розы? – спросил генерал.

– Так точно, – подтвердил Евдокимов.

– Ну действуйте, – сказал генерал. – И помните: за жизнь Анохина отвечаете вы, его смерть нужна им и очень может навредить нам.

– Разрешите идти? – спросил Евдокимов.

– Да, идите, – сказал генерал и протянул лейтенанту руку.

Это было знаком большого расположения. Он задержал руку Евдокимова в своей и поощрительно похлопал слегка по ней другою рукой.

– Ну действуйте, – повторил он еще раз, отпуская Евдокимова. – Ни пуха вам, ни пера!

Не было ничего удивительного в том, что генерал сразу угадал намерение Евдокимова заняться Эджвудом.

Эджвудом и кем-то еще...

Что касается Эджвуда, если он кому и мог понадобиться, его искать не приходилось: этот жил у всех на виду.

Эджвуд появился в Москве года два назад в качестве сотрудника одного из иностранных учреждений. Он занял большую квартиру, хотя семьи у него не было. По-видимому, он был состоятельным человеком, потому что вместе с ним в квартире поселились три его лакея – три лакея, своей выправкой похожие на солдат.

Роберт Джон Эджвуд, или Роберт Д.Эджвуд, как значилось на медной дощечке на дверях его квартиры, или просто капитан Эджвуд, как называл он себя, когда представлялся новым знакомым...

Капитан... Один черт знал, к какому роду войск принадлежал этот капитан Эджвуд!

То, что он не имел никакого отношения к морскому флоту, не вызывало сомнений. Но не имел он отношения и к кавалерии, и к артиллерии, и к пехоте. Не имел ничего общего и с авиацией. Не был ни танкистом, ни связистом, ни сапером. Капитан-то он был капитан, но род войск, к которому принадлежал этот капитан, был весьма и весьма неясен. Во всяком случае, в Москве он обнаружил свои способности только в области фотографии.

Из-за этой склонности он уже имел неприятности...

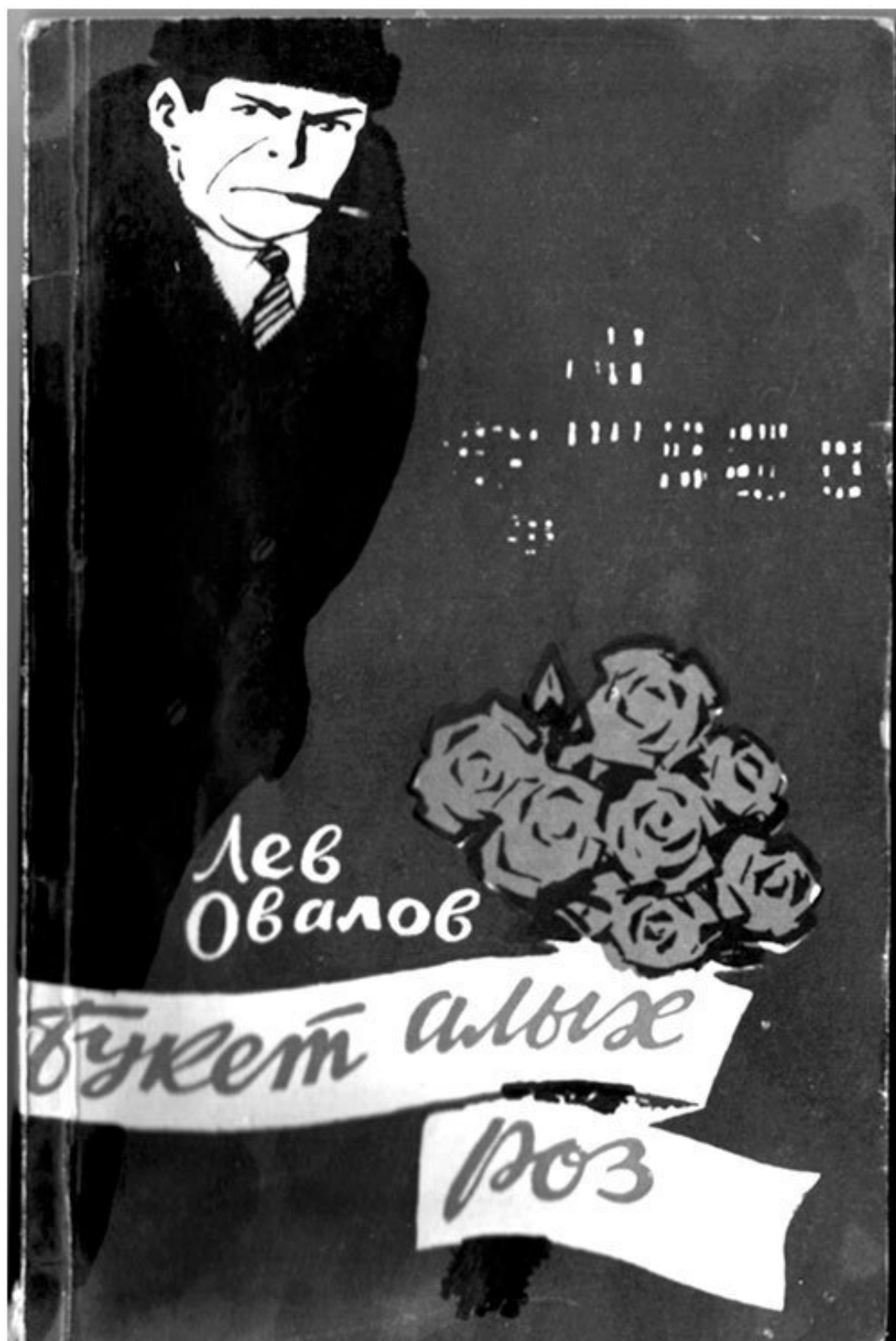
Роберт Д.Эджвуд охотно заводил знакомства с советскими людьми вообще и с молодыми девушками в частности. Но из всех девушек особую склонность он питал к Галине Вороненко. По этой причине и познакомился с ней Евдокимов, хотя, по мнению Евдокимова, второй такой дуры найти в Москве было нельзя.

Отец Галины, крупный инженер и коммунист, был членом коллегии одного из промышленных министерств, мать работала врачом и даже имела звание кандидата наук. Галина была их единственной дочерью, от нее ничего не требовали и все ей позволяли. Поэтому Галина не обременяла себя изучением наук, но зато первой изучала все новые танцы, первой начинала носить модную прическу и первой напялила на себя дурацкие узкие штаны дудочкой. Короче говоря, это была типичная девушка-стиляга, некая разновидность Элочки-Людоедки из знаменитого романа Ильфа и Петрова.

Года три Галина училась в Институте иностранных языков, училась кое-как, но благодаря отцовским связям ей удалось устроиться в Интурист переводчицей. Работа вскоре ей надоела, но за время работы она сумела завести себе определенный круг знакомых, и ее даже приглашали иногда на официальные приемы, устраиваемые время от времени для иностранцев.

Там-то она и встретила с мистером Эджвудом, знакомство с которым перешло в нежную дружбу.

Мистер Эджвуд еще до встречи с Галиной очень увлекался фотографией. Из-за этих фотографий и возникли у него неприятности. То он снимал какой-нибудь завод, то аэродром, то мост. Дотошные милиционеры не один раз принуждали незнакомого иностранца засвечивать свою пленку. Будь этот фотограф обычным иностранцем, его уже давно попросили бы покинуть пределы Советской страны, но, на свое счастье, он обладал дипломатическим иммунитетом. Дело кончилось тем, что официальные советские лица вынуждены были обратиться к непосредственному начальнику господина Эджвуда с просьбой остудить пыл неугомонного фотографа, после чего он несколько притих и стушевался.

Обложка первого отдельного издания повести

Теперь мистер Эджвуд катал Галину на своей машине по Москве, и они вместе объездили все окрестности столицы.

Должно быть, Галина нравилась мистеру Эджвуду не на шутку, и он изредка фотографировал свою русскую подружку.

Но внимание Евдокимова Эджвуд привлек отнюдь не своей страстью к фотографированию: кроме фотографии, господин Эджвуд еще очень любил цветы и из всех цветов отдавал предпочтение красным розам.

В этой любви к цветам тоже не было бы ничего предосудительного, если бы не одно странное обстоятельство, отмеченное милиционерами, дежурившими у квартиры любознательного иностранца.

Время от времени за одним из окон квартиры Эджвуда появлялся букет алых роз, и в тот день господин Эджвуд обязательно посещал кафе на улице Горького.

Евдокимов знал твердо: появился букет – вечером Эджвуд будет в кафе.

Такое совпадение заинтересовало Евдокимова, и он решил лично познакомиться с этим любителем цветов.

Проще всего было познакомиться с ним при помощи Галины, а познакомиться с самой Галиной было легче легкого.

Одна из подруг Галины представила ей Евдокимова.

Одет он был по самой последней моде, умел танцевать все новейшие танцы, денег имел сколько угодно – с такими качествами он не мог не понравиться Галине.

В кафе Галина познакомила Евдокимова и с мистером Эджвудом, а когда тот узнал, что Евдокимов – молодой ученый, работающий в одном из учреждений, где производятся исследования в области ядерной физики, Эджвуд стал проявлять к нему самое усиленное внимание.

Однако Евдокимов знал меру всему и не переигрывал, и об учреждении, в котором он якобы работал, не рассказывал ничего. На все расспросы Эджвуда он лаконично отвечал, что говорить о своей работе не имеет права. Он даже напускал на себя испуганный вид и давал понять, что побаивается органов государственной безопасности. Это соответствовало представлениям Эджвуда о советских людях. Но раза два или три Евдокимов все ж таки кинул капитану Эджвуду приманку. Он как бы ненароком обмолвился о том, что он сторонник чистой науки и тяготится зависимостью науки от политики.

– Хорошо ученым в Америке, – сказал Евдокимов, – там их деятельность не координируется государственными планами...

По-видимому, мистер Эджвуд немедленно намотал эти слова себе на ус и стал уделять своему новому знакомому еще больше внимания.

Вот с этого-то господина Эджвуда Евдокимов и решил начать поиски исчезнувшего две недели назад из Бад-Висзее Жадова, тем более что в окне квартиры Эджвуда вот уже два дня красовался букет алых роз.

6. Учительница танцев

Евдокимов с трудом уговорил Марину Васильевну Петрову уделить ему часа полтора своего времени.

Петрова была молодая, но уже известная балерина, комсомолка, активная общественница и вообще очень хороший советский человек. С Евдокимовым у нее были приятельские отношения. Но она готовилась выступить в очень ответственной роли и не хотела отвлекаться от работы ни для кого и ни для чего.

– Дмитрий Степанович, голубчик, – молила она его по телефону, – я всегда вам рада, но только не теперь.

– Именно теперь, – настаивал он, в свою очередь. – Не могу обойтись без вашей помощи.

В свое время Марину Васильевну специально познакомили с Евдокимовым, для того чтобы она научила его танцевать.

Он не был любителем танцев и считал, что жить можно и без них, но случилось так, что он не смог бы расследовать одно дело, если бы не умел танцевать... И в соответствии с разыгрываемой ролью он должен был танцевать безукоризненно. Тогда его и познакомили с Петровой.

Ей откровенно объяснили, что одного работника органов государственной безопасности необходимо обучить танцам.

В начале занятий Евдокимов смущался, но Петрова была столь проста, держалась так товарищески, что вскоре дело у них пошло на лад, и после нескольких уроков Марина Васильевна сказала, что взяла бы Евдокимова себе в кавалеры на любом публичном балу.

К ней-то Евдокимов и явился.

Раньше, до знакомства с Петровой, он не представлял себе, как изнурителен труд балерины. Того не ешь, другого не пей, гимнастика утром, гимнастика вечером, весь день строго регламентирован, и, наконец, эти монотонные и утомительные упражнения: «И раз-два-три... И раз-два-три...» Нет, не хотел бы он быть балериной!

Деловой вид Марины Васильевны лучше всего свидетельствовал о том, как она занята.

Со сцены она казалась удивительно красивой, а на самом деле у нее были заурядное бледное личико и хрупкая фигурка, только мускулы на ногах были развиты совершенно непропорционально; на ней были белая майка, короткая черная юбочка и тапочки – сразу видно, что Евдокимов оторвал ее от занятий.

– Ну, пойдемте, – сказала Марина Васильевна и повела его в рабочую комнату.

За пианино сидела Рахиль Осиповна Голант – низенькая рыжеволосая женщина с лорнетом в черепаховой оправе, висевшим у нее на шее на черной шелковой тесьме, которым она, во всяком случае на глазах у Евдокимова, никогда не пользовалась.

Она была в своем роде уникам. Когда обижали лично ее, она сразу терялась и всегда готова была обратиться в бегство, но если неприятности грозили Марине, она превращалась в грозную медведицу.

– Из нее вышла бы первоклассная концертантка, если бы не ее застенчивость, – уверяла Марина.

Рахиль Осиповна была постоянной помощницей Марины в ее занятиях.

– Ах, как вы некстати! – бесцеремонно сказала пианистка гостю. – Мариночка только начала вживаться в образ...

– Ну ладно, ладно, – оборвала ее Марина и обратилась к Евдокимову: – Выкладывайте, что у вас. Уж не собираетесь ли вы в силу особых обстоятельств выступить на сцене?

Евдокимов смутился. Марина Васильевна сделала ударение на словах «особые обстоятельства», потому что во время своих занятий танцами Евдокимов никогда ни о чем ей не рассказывал, неизменно ссылаясь на «особые обстоятельства».

– Извините, Рахиль Осиповна, – обратился он к пианистке. – Неотложное дело... – Он умоляющими глазами посмотрел на балерину. – Научите меня, пожалуйста, танцевать рок-н-ролл...

– Господи, да на что он вам понадобился?! – воскликнула Марина. – Недоставало только, чтобы я учила вас этому безобразию! Приличный человек не должен выделять такие телодвижения!

– Но вы его знаете? – спросил Евдокимов.

– Конечно, знаю, – сказала Марина Васильевна. – Знаю и не одобряю.

– Научите меня, – взмолился Евдокимов. – Мне это очень нужно.

– Да зачем вам? – спросила Марина. – Над вами будут смеяться.

– Да неужели вы думаете, что мне так уж хочется плясать этот рок? – сказал Евдокимов. – Чего не сделаешь ради дела...

Марина Васильевна расшвыряла ворох нотных тетрадей, извлекла оттуда какие-то ноты в пестрой обложке и без лишних слов поставила их на пюпитр пианино.

– Изобразите-ка это нам, – сказала она пианистке. – Поэнергичнее!

– Это после Чайковского-то? – укоризненно произнесла Рахиль Осиповна и покорно удалила по клавишам.

Звуки и вправду были какие-то дикие.

– Да вы не смотрите, не смотрите на Рахиль Осиповну! – вскричала балерина. – Смотрите на меня!

Она вывернула ноги коленками внутрь и принялась топать и прыгать, все эти притопывания и подпрыгивания представляли малопривлекательное зрелище.

– Нравится? – спросила Марина, дрыгая ногами.

– Как? Так? – спросил Евдокимов и, в свою очередь, лягнул ногой.

Марина покатила со смеху.

– Ничего нет смешного, – обиделся Евдокимов. – Были бы вы на моем месте...

– Конечно! – продолжала хохотать Марина. – От хорошей жизни так не запляшешь!

Она схватила его за руки.

– Пошли! – командовала она. – Ногу вправо, ногу влево, раз-два... Топайте, топайте! Теперь наклоняйтесь... Ко мне! От меня! Раз-два... Опять топайте!..

– Господи! – пролепетал Евдокимов. – Какой идиот это придумал?!

Марину Васильевну трудно было уговорить, но уж если она начинала заниматься, то умела заставить человека поработать.

– Раз-два! – неумоимо командовала она. – Направо, налево...

Евдокимов топал, прыгал, кланялся и про себя проклинал свою профессию.

– Ну а теперь посмотрите на меня со стороны, – попросил он Марину Васильевну. – Получается или нет?

Он подошел к пианистке.

– Рахиль Осиповна, прошу!

Она повернулась к нему как ужаленная.

– Что-о?

– Я хочу, чтобы Марина Васильевна посмотрела на меня со стороны, – просительно объяснил он. – Всего несколько па!

– Нет, нет и нет, – категорически отказалась пианистка. – Это черт знает что, а не танец! Просто стыдно вытворять такие вещи...

Она обиженно отвернулась от Евдокимова.

– Ничего! – крикнула Марина Васильевна. – Вы только играйте! Дмитрий Степанович может один...

Евдокимову пришлось соло исполнить рок-н-ролл перед Петровой.

– Ну как? – спросил он, останавливаясь перед учительницей.

– Три, – сказала она. – Даже с плюсом, принимая во внимание, что это в первый раз.

– Значит, я могу танцевать в кафе? – спросил Евдокимов.

– Можете, – разрешила Марина Васильевна. – Многие танцуют еще хуже.

Евдокимов пожал ей руку.

– А теперь идите, – сказала Петрова. – Мне и так достанется от Рахили Осиповны за эти танцы...

Евдокимов поспешил к себе в учреждение. Из своего кабинета он позвонил по телефону Галине Вороненко.

– Галиночка? – сказал он. – Здравствуйте. Это Дмитрий Степанович. Откуда? Конечно, из института. Ну, у нас одну работу можно делать десять лет, никто и не спросит. Что вы сегодня делаете вечером? Ах заняты? С Эджвудом? Жаль. Почему жаль? Потому, что я научился танцевать рок-н-ролл. Очень интересно... Ах вы тоже хотите? А как же Эджвуд? Ну хорошо. Куда? В кафе на улицу Горького? Хорошо. Буду. Нет, обязательно буду. Целую. Не модно? Что не модно? Ах целоваться не модно? Ну, тогда... – он плоско сострил, Галина засмеялась. Плоские остроты, очевидно, были в моде.

7. Дядя Витя заболел

Перед тем как отправиться в кафе, Евдокимов заехал за Анохиным.

Дверь открыла Шура.

– Проходите, пожалуйста. Он вошел в комнату.

Все там выглядело очень идилично, только окно было наглухо занавешено черной шалью, так, как это делали во время войны, соблюдая правила затемнения.

Шура перехватила взгляд Евдокимова.

– Чудит мой, – объяснила она. – Говорит, окно будет освещено, хулиганы могут запустить камнем.

– А я за вами, – сказал Евдокимов Анохину. – Вы мне нужны.

– Надолго? – спросила Шура.

– На весь вечер, – сказал Евдокимов. – Хочу провести с ним вечер в кафе.

– Я могу обидеться, – сказала Шура. – Я ревнивая.

– Со мной можно отпустить, – сказал Евдокимов. – Вас я не приглашаю: нельзя же оставить дочку...

– Я пошутила, – сказала Шура. – Поезжайте, пожалуйста.

Он попросил Анохина одеться понаряднее. В кафе публика бывала хорошо одетая, и Анохин не должен был чем-нибудь от нее отличаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.